

И. В. Леонов²,
В. А. Соловьева³

НАСЛЕДИЕ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСЕВДОМОРФОЗЫ И ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проблематика доклада основана на многочисленных упрощениях и искаженных представлениях о культурном наследии локальных культур, распространяемых в условиях глобализирующегося мира. С одной стороны, на данный процесс влияет разница представлений о сущности и содержании культурного наследия, которые во многих культурах существенно различаются как по охвату материальных объектов, так и по ценностно-смысловому составу. Как следствие, наследие одной культуры может быть просто не замечено другой

культурой, ориентированной на его поиск в сферах, которые для первой культуры первоочередными носителями наследия не являются. Кроме того, возможны ситуации, когда определенные аспекты локальных культур, не имеющие для них первостепенной значимости, извне воспринимаются как важные и заслуживающие несомненного интереса. Данная проблемная ситуация, будучи основана на отсутствии общих параметров в определении границ и содержания сферы культурного наследия как таковой, в настоящее время не имеет однозначного решения, а потому может порождать вышеуказанные разночтения.

С другой стороны, искаженные и неверные представления о наследии локальных культур нередко основываются на проявлении распространенных в глобальном обществе стереотипов и «ожидаемых образов», возникающих в отношении данных культур. В результате их наследие, выходя на мировую арену, попадает в уготовленное заранее прокрустово ложе стереотипов и преломлений, приобретая тот вид, который встроен в сознание глобального потребителя. Причем некоторые современные культуры, позиционируя свое наследие на глобальной арене, сознательно ориентируются на обозначенные клише, что ведет к сильным трансформациям их наследственного материала. Одной из вариаций данного процесса является *псевдоморфоз*, выраженный в наполнении внешних форм наследия локальных культур иным ценностно-смысловым содержанием либо, что бывает несколько реже, во внедре-

² Доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор научных публикаций, в т. ч.: «„Миры“ макроистории: идеи, паттерны, гештальты», «Идентичность как навигатор сознания» (в соавт.), «Интерпретации пространства в различных историко-культурных гештальтах», «„Исследовательские горизонты“ и типологии культурных индустрий» (в соавт.), «„Новодел“ как форма воспроизведения старины в современной культуре» (в соавт.), «Метаморфозы искусства в контексте новых типов культуры» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Дома ученых.

³ Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «„Женский вопрос“ в социокультурном развитии шведского и норвежского общества в конце XIX — начале XX в.», «Проблемы, тенденции и факторы развития промышленной культуры Кольского Севера: вторичный анализ статистических данных», «Промышленная культура Кольского Севера и культурные индустрии», «Культурные индустрии как средство глобализации современного общества» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества.

нии ценностно-смысловых аспектов наследия локальных культур в чуждые формы.

Наиболее известным примером подобного псевдоморфоза, возникшего еще в начале Нового времени и продолжающего проявляться в глобальном мире, служат всевозможные интерпретации культурного наследия Древнего Египта, имеющие к реальной древнеегипетской культуре лишь отдаленное отношение. Речь идет о проникновении внешних форм и визуальных образов древнеегипетской культуры в «ткань» западноевропейской и далее глобальной культуры на уровне поверхностного, искаженного или попросту ложного восприятия их смысловой нагрузки, подпитываемого множеством вымыслов, мистификаций и предрассудков, бытующих в массовой культуре. В качестве простого примера можно привести проникновение мотивов гробниц и саркофагов в жилые интерьеры европейцев Нового и Новейшего времени. В данном случае многие потребители не задумываются, что их окружают стилизованные образы и формы захоронений и «разновидности традиционных гробов». При этом повседневная и светская компоненты культуры Египта были достаточно развиты и вполне могли бы найти отклик у европейцев. Однако мотив непонятного и загадочного Египта, насыщенного мумиями и завораживающими мистификациями, многие из которых были рождены еще в ту пору, когда не был найден Розеттский камень и не проводились активные раскопки, прочно укоренились в сознании многих наших современников.

Впервые процессы псевдоморфоза в развитии и взаимодействии культурных организмов были зафиксированы и изучены О. Шпенглером во втором томе его фундаментального труда. Заимствовав термин «псевдоморфоз» и его смысловую нагрузку в минералогии, О. Шпенглер перенес его в историко-культурную реальность на уровне красивых аналогий. Перенос отмеченной аналогии на процессы искажений наследия Древнего Египта в западноевропейской и глобальной культуре, «каменные формы» которого наполняются иным — «силиконовым», пластмассовым и чужеродно-смысловым — содержанием, вполне обоснован.

Еще одним известным примером псевдоморфоза в культуре является так называемая китайщина, распространенная в XVIII веке. Воплотившись в стиле «шинуазри», увлечение европейцев Китаем привело к распространению множества имитаций китайского искусства, в которых при очень низкой смысловой аутентичности даже внешние формы носили приблизительный и искаженный характер. Как следствие, в Европе возник свой «как бы Китай», состоящий из стилизаций, стереотипов, замешанных на малой доле аутентичной продукции. Указанная традиция псевдоморфоза (с учетом различных степеней его протекания) продолжилась в более широком диапазоне — на уровне преломлений наследия многих культур Востока в пространстве культуры Запада, вплоть до современной эпохи глобалитета. В отмеченном случае примеров более чем достаточно: так, в культуре Запада йога и ушу предстают исключительно как разновидности полезной для здоровья гимнастики; чайная церемония — как сугубо внешний обряд заваривания и питья чая; фэн-

шуй — как практика дизайна пространства; китайская живопись — как элемент украшения интерьера с преобладанием декоративных функций; восточные единоборства — как практики умения драться; некоторые практики буддизма — как атрибуты модного образа жизни и т. д. На уровне крайних проявлений рассматриваемых псевдоморфозов уместно указать на опустошенные формы многих традиционных культур Африки, культуры австралийских аборигенов, мезоамериканских культур, которые бытуют в глобальном пространстве в виде «нераскодированных» аутентичных предметов и декоративных «болванок», наполняемых каким угодно смысловым содержанием.

Анализ различных примеров псевдоморфоза показывает, что в основе данного процесса прослеживается определенная логика и различные сценарии протекания. В данном случае необходимо сказать, что любые контакты между культурами сопровождаются их взаимопониманием (в различной степени) на уровне картин мира, ценностно-смыслового содержания, искусства и т. д. Причем полного тождества и адекватности в данном процессе быть не может. Речь идет о разной степени преломлений одной культуры в пространстве другой, в системе координат, находящейся между полюсами «высокой степени тождества» и «максимального несоответствия»¹. Основу для проявлений псевдоморфоза составляют ситуации «разрывов» и «больших дистанций» между контактирующими культурами. И чем больше дистанция, тем сильнее выражено несоответствие формы и содержания.

Наглядным примером основы для псевдоморфоза является английский Стоунхендж — памятник, чья смысловая нагрузка в настоящее время утрачена. Однако культура, как и природа, не терпит пустоты. Пустые формы в ее пространстве не могут долго существовать, и при отсутствии общепринятого аутентичного смысла они будут заполнены той нагрузкой, которая будет оптимальна для воспринимающей культуры, с учетом особенностей ее картины мира, семиосферы, ценностно-смысловых оснований, этико-эстетических особенностей и исторического опыта. В таком ракурсе интерпретации культуры Египта, возникшие в Европе несколько столетий назад и бытующие по сей день, являются вполне логичными.

Итак, ситуации псевдоморфоза во многом обусловлены проблемой адекватной интерпретации наследия других культур, контакты между которыми в любом случае не будут полностью лишены преломлений и искажений друг друга. Понять другую культуру абсолютно адекватно и в полном соответствии ее образу мира — задача трудновыполнимая даже на уровне отдельного человека. Этот процесс, будучи основан на гештальт-переключениях с одного образа мира на другой, требует больших усилий и затрат времени.

Может ли глобальное общество полностью осуществлять такие переключения? Вероятнее всего, нет. Но повысить степень приближения к адекватному пониманию наследия других культур при реализации

¹ *Леонов И. В., Харитонова М. А. Метаморфозы искусства в контексте новых типов культуры // Культура и образование. 2018. № 1. С. 17.*

соответствующих просветительских программ и стратегий ему по силам.

Кроме того, необходимо учитывать, что глобальный мир являет собой сложное системное образование культуры, имеющей свой масштаб восприятия и обобщения наследия локальных культур. Богатый наследственный материал, накопленный в таких культурах, на глобальном уровне не может сохраняться и усваиваться во всем многообразии своих проявлений. Тотальной грамотности в отношении глубокого постижения наследия каждой культуры добиться крайне трудно, а вероятно, практически невозможно. Как следствие, генерализация общекультурного наследия в глобальном мире ведет к утрате и нивелированию его частных сторон. В таких условиях возникает актуальная задача отсева или «сжатия» наследственного материала локальных культур до минимума, при сохранении его способности войти в глобальный диалог, эффективно позиционируя

стержневые основы породившей его культуры. Не попасть в ловушку предрассудков и «ожидаемых образов» в данной ситуации довольно сложно.

Тем не менее необходимо помнить, что глобальная культура не призвана «захватывать» локальные культуры и «размывать» их в единую, гомогенную среду. Наследие многих культур на локальном уровне сохраняется, обновляется и транслируется во всей своей сложности. При этом в тех же культурах сформировался и успешно транслируется особый пласт наследия, востребованный на глобальной арене. Отмеченная двоякость, будучи вполне объяснима с точки зрения устройства современного мира, находит яркое проявление во многих культурах, в том числе в России. В результате потребитель может распознать два пласта культурного наследия России — внутренний, наиболее содержательный и полноценный, и глобально ориентированный — более простой и фрагментарный.